

Вячеслав
КОНДРАТЬЕВ

РАСПЕЧАТЫВАЯ КОНВЕРТ

Читательская почта для меня всегда не только радость, но и повод для серьезных размышлений, порой очень нелегких и даже грустных. Из читательских писем, из рассказанных в них судеб, из откровенных мыслей, которыми делятся с писателем, довольно ясно видишь, что жизнь нашего современника гораздо сложнее, чем отражение ее в литературе... Меня, наверное, трудно упрекнуть в лакировке или какой-то облегченности в показе войны, наоборот, иной раз критики упрекают в другом — в переборе тяжелых фактов, в перенажиме на трудности жизни человека на фронте, но вот что пишет мне читатель Б. В. Трофимов: «...Константин Симонов говорит, что «история Сашки — это история человека, оказавшегося в самое трудное время в самом трудном месте и на самой трудной должности — солдатской». Но, помилуйте, — восклицает Трофимов, — о каких трудностях речь? Ведь жизнь у

Сашки просто райская!». И дальше: «...повесть вся проникнута какой-то неуловимой мягкостью, но, по-моему, в книгах о войне необходима не мягкость, а жесткость».

Трофимов ничего не написал о себе, но если он воевал и ему Сашкина жизнь показалась «райской», то можно представить, какова была война для этого человека, какого лиха он прихватил.

Я долго ждал и жду до сих пор писем от тех, кто был со мной подо Ржевом в 13-й отдельной стрелковой бригаде. Потому-то во всех своих вещах не изменял названия деревень, которые мы брали, — Усово, Овсянниково, Паново. И вот, наконец, получил весточку от людей, воевавших в то же время под теми же деревнями. В письме одного из участников тех боёв, В. В. Михайлова, есть такие строки: «...Слышал, что есть книга «В боях за Ржев», но не читал. Причина та, что не хотелось лишний раз вспоминать пережитое.

Да и никто не напишет, что там было, а если и напишет, то поверить небывалому человеку невозможно. То, что я испытал подо Ржевом, я за всю войну даже доли тех трудностей не видал...»

Недавно Виктор Астафьев писал о свойстве человеческой памяти забывать все тяжелое и о тех трудностях, которые вытекают из этого свойства, когда писатель пишет о давно прошедшем. Тем более воевали-то мы в юности, которая каждым человеком вспоминается хорошо, какая бы она ни была, и поневоле определенная идеализация того времени происходит. Отсюда, видимо, и та «мягкость» в «Сашке», замеченная читателем и им одобренная.

В этой повести чуть коснулся я и женских судеб на войне, показав медсестру Зину с ее обреченной с порога фронтовой любовью. Не думаю, что приукрасил, постарался показать и трудности, и сложности положения женщины на войне, но в письмах

от женщин-фронтовичек нередко мной прошли такие драматические судьбы, перед которыми Зина судьба, говоря словами читателя Трофимова, просто «райская»... Вот и думаешь, читая эти письма, о том, что свидетели и участники тех событий, о которых ты пишешь, замечают все-таки некую вилку между тем, какими эти события остались в их памяти, и тем, как описываешь их ты. Значит, упустил что-то, значит, подвела память, вернее, свойство ее — забывать тяжелое и неприятное. И писем таких много, и родили они во мне какую-то робость и неуверенность, потому как начал я уже о послевоенных годах писать и, боюсь, вдруг тоже «проникнуты» они будут «мягкостью», а годы были суровые, жесткие, трудные.

И еще опасность подстерегает, о которой тоже говорил Виктор Астафьев: выработались в литературе стереотипы — один написал, другой, третий, десятый... И критики, и редакторы, да и чита-

тели некоторые уже к тому привыкли, да и тебе самому по-другому писать вроде страшновато, непривычно. В. Астафьев о войне говорил, но и о послевоенных годах вещи были — повести и романы, вещи уже апробированные, критикой принятые, уже какое-то представление о тех годах создавшие, а мне его в какой-то степени ломать придется, потому что у меня свое, и если бы не было этого «своего», писать бы не взялся. И буду я между двух огней — редакторы, особенно те, кто представление о том времени только по литературе имеет, «мягкости» будут требовать, а читатель этой «мягкости» не примет. Потому и надо тебе все до мелочей припомнить и написать так, чтобы эти воспоминания теми чувствами были пронизаны, а не сегодняшними, подернутыми флером легкой грусти о молодых годах.

Вот на какие размышления наводят читательские письма. Вот почему и благодарен я читателям за письма,

Сов. курьер, 1981, 30 июня